

*Лучшее исследование истории американских ковбоев,
которое когда-либо было написано. Обязательно к прочтению!*

THE NEW YORK TIMES

ЗЕМЛЯ КОВБОЕВ

Настоящая история
Дикого Запада

КРИСТОФЕР НОУЛТОН

Кристофер Ноултон

Земля ковбоев: Настоящая история Дикого Запада

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72075433
Земля ковбоев: Настоящая история Дикого Запада:
ISBN 9785002236732*

Аннотация

Эпоха ковбоев продлилась около четверти века, но успела навсегда изменить Америку. Жестокая зима 1886/87 года положила конец животноводству на открытых пастбищах: Большой падеж унес около миллиона голов скота, после чего финансовые трудности окончательно подорвали отрасль. Но к тому моменту она уже успела объединить Север и Юг с помощью торговли, преодолев разногласия, возникшие в результате Гражданской войны, и заложила основы мультикультурной нации, которой сегодня является народ Соединенных Штатов. Ковбои Дикого Запада, обретшие статус почти мифических героев, канули в прошлое, однако миф о них оказался удивительно живуч: он не только породил новое направление – вестерн – в искусстве и индустрии развлечений, но и повлиял на национальную политику США. К тому же «скотоводческая лихорадка» в еще большей степени, чем золотая, сформировала романтическое представление

о предпринимательстве – стремление к личной свободе и экономическим возможностям, которое и сегодня заставляет выпускников колледжей отправляться в Кремниевую долину.

Содержание

Предисловие	9
Часть I. Начало бума	26
1	26
2	47
3	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Кристофер Ноултон

Земля ковбоев: Настоящая история Дикого Запада

Знак информационной продукции (Федеральный закон
№ 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Переводчик: *Евгений Поникаров*

Научный редактор: *Анна Фофанова, канд. ист. наук*

Редактор: *Валентина Бологова*

Издатель: *Павел Подкосов*

Руководитель проекта: *Александра Казакова*

Арт-директор: *Юрий Буга*

Дизайн обложки: *Алина Лоскутова*

Корректоры: *Елена Воеводина, Ольга Петрова*

Верстка: *Андрей Ларионов*

*В оформлении обложки использована иллюстрация
Feyzullah Tunc / iStock / Getty Images*

Все права защищены. Данная электронная книга предна-

значена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Christopher Knowlton, 2017

Публикуется по договору с The Jennifer Lyons Literary Agency and Synopsis Literary Agency.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

* * *

КРИСТОФЕР НОУЛТОН

ЗЕМЛЯ КОВБОЕВ

Настоящая история
Дикого Запада

Перевод с английского

Москва, 2025

Посвящается Пиппе

*Быть ковбоем – приключение;
быть хозяином ранчо – власть.*

УОЛТЕР ПРЕСКОТТ УЭББ. ВЕЛИКИЕ РАВНИНЫ¹²

---

¹ Уолтер Прескотт Уэбб – историк американского Запада. – *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

² Walter Prescott Webb, *The Great Plains*, 233.

Предисловие

Летом и осенью 1886 г. на просторах американского Запада происходили странные природные явления. В Дакоте, Монтане и Вайоминге небо временами затягивало такой густой дымкой, что вокруг солнца образовывалось бледное гало. Необычайно сухая и жаркая погода вызвала пожары в прериях. Шумные стаи саранчи Скалистых гор³ пожирали остатки травы.

Уроженец Шотландии Джон Клей, управляющий компании Cattle Ranch & Land, отправился осматривать пастбища Вайоминга по старому маршруту «Пони-экспресса»⁴, через Лост-Солджер и Крукс-Гэп: «По обочинам не росло ни травинки. Мы проехали много миль по пастбищам. Скот отоштал, а траву можно было найти разве что на каком-нибудь

---

³ Этот вид прямокрылых (*Melanoplus spretus*) был крайне распространен: по оценкам (1875), одна крупная туча насчитывала 12,5 трлн особей, занимала площадь свыше 500 000 км² и имела массу 27,5 млн т (согласно Книге рекордов Гиннеса, это самое масштабное скопление насекомых в истории). Несмотря на это, саранча Скалистых гор вымерла уже в начале XX в. – вероятно, в результате деятельности людей. – *Прим. пер.*

⁴ «Пони-экспресс» – американская компания, доставлявшая конную почту от Сент-Джозефа (штат Миссури) до Сакраменто на Западном побережье в 1860–1861 гг.

болоте или там, где весной речка выходила из берегов. Такие поездки – сущее мучение. Там вы беспомощны. Для молодняка не было рынка, у бычков постарше не хватало жира, а коровы и телята выглядели жалко и убого»⁵. Клей не мог избавиться от дурного предчувствия.

Линкольн Лэнг, владелец ранчо⁶ в Бедлендсе⁷, обратил внимание, что бобры неистово трудятся, строя стены свои хаток и запасая на зиму необычно большое количество молодых побегов. Другие отмечали, что зимняя шерсть лосей и оленей вапити стала густой и тяжелой. Птицы (в частности, американские свиристели и канадские гуси) сбились в стаи и улетели на юг на целых шесть недель раньше обычного.

В Монтане ветеран-гуртовщик Эдвард Чарльз (Тедди Блю) Эбботт заметил полярных сов, сидевших на дугласовых пихтах, и остановил лошадь, чтобы рассмотреть их издали. За 16 лет, проведенных на открытых пастбищах, он никогда не видел таких птиц.

Босс Тедди Блю, богатый скотовод и бывший золотодобытчик Грэнвилл Стюарт, тоже обратил внимание на этих сов. Вождь⁸ одного из местных племен индейцев погрозил Стюарту пальцем и предупредил, что эти птицы – духи –

---

⁵ John Clay, *My Life on the Range*, 170.

⁶ Lincoln Lang, *Ranching with Roosevelt*, 239.

⁷ Бэдлендс (от англ. *badland* – «гиблая земля») – регион к востоку от Скалистых гор.

⁸ Granville Stuart, *Forty Years on the Frontier*, 234.

предвестники грядущей суровой зимы.

Скотоводы к тому времени начали проявлять недовольство. Цены на говядину уже несколько лет падали, и это вынуждало многих из них поставлять на рынок меньше животных. Поэтому на открытых пастбищах – и без того переполненных – скота стало еще больше. Проблема усугубилась тем, что в июле предыдущего года Гровер Кливленд подписал президентский указ, в соответствии с которым стада были согнаны с гигантской Резервации шайеннов и арапахо, охватывающей большую часть Колорадо и южную часть Вайоминга. Скотоводы перегнали многие из этих стад, насчитывавших в совокупности около 210 000 голов, на северные пастбища, а затем перемещали их из долины в долину, как фигуры на гигантской шахматной доске, в попытке отыскать скудную траву и воду в местах, еще свободных от внезапно все заповолившей колючей проволоки.

Многие опытные скотоводы разбогатели во время этого бума – величайшей сельскохозяйственной экспансии, которую когда-либо видела страна. Однако владельцы ранчо беспокоились из-за того, что, пытаясь угнаться за быстро развивающейся отраслью, они чрезмерно расширили свою деятельность и набрали слишком много кредитов. По некоторым оценкам, общий объем инвестиций в скотоводстве превысил капитализацию всей американской банковской системы⁹. Согласно некоторым данным, в Шайенне (штат Вайо-

---

⁹ На пике бума на пастбищах американского Запада паслось около 20 млн го-

минг), эпицентре бума, был зафиксирован самый высокий в мире медианный доход на душу населения¹⁰. В скотоводческую отрасль тогда вкладывали деньги многие богатейшие люди страны – Маршалл Филд, Рокфеллеры, Вандербильты, Флагеры, Уитни, Селигманы, Эймсы.

Открытые пастбища Великих равнин были переполнены дельцами, новыми деньгами и гигантскими скотоводческими конгломератами. В Шайенском клубе – роскошном заведении, где собирались скотоводческие магнаты, – ходили слухи о неэффективном управлении, завышении численности стад и даже о сомнительной платежеспособности некоторых крупных предприятий. Один из его самых влиятельных членов, бывший президент клуба Хьюберт Тешмахер, решил той осенью ликвидировать свое ранчо даже себе в убыток, крайне обеспокоив тем самым инвесторов из Бостона и Нью-Йорка. Другой член клуба – Мортон Фрюэн, сквайр из Сассекса, основавший первую зарегистрированную в Англии ак-

---

лов крупного рогатого скота стоимостью примерно 600 млн долларов. По состоянию на конец 1886 г. 2875 крупнейших банков страны располагали оплаченным или внесенным капиталом в размере 550 млн долларов. Данные взяты из *1887 Report of the Office of the Comptroller of the Currency* и *The Oxford History of the American West*, Clyde A. Milner et al., eds., 265. Согласно другим сведениям, в 1882–1886 гг. в четырех штатах и территориях – Колорадо, Вайоминге, Монтане и Нью-Мексико – появилось 349 скотоводческих компаний с капитализацией около 170 млн долларов (Gene Gressley, *Bankers and Cattlemen*, 109). Добавьте к ним скотоводческие компании, созданные в Техасе, Канзасе, Небраске, Оклахоме и Дакотах, а также все ранее существовавшие стада, и итоговый показатель, вероятно, опять будет приближаться к 550 млн долларов.

¹⁰ Agnes Wright Spring, “Old Cheyenne Club”, *American Cattle Producer*, July 1947.

ционерную скотоводческую компанию, – вернувшись в город после того, как отсутствовал там целый год, в письме к своей жене отметил, насколько тихим выглядел Шайенн. Казалось, что бурно развивающиеся предприятия города замерли, словно предчувствуя какую-то беду.

28-летний Теодор Рузвельт, третий год занимавшийся скотоводством на Территории Дакота, прозорливо оценил ситуацию в статье, которую написал той осенью для журнала *The Century Magazine*: «В нашем регионе, уже сейчас находящемся под угрозой перенаселения, рано или поздно наступит зима, которая сократит численность поголовья на пастбищах, уничтожив примерно половину всего скота на Северо-Западе»¹¹.

Его оценка оказалась точной.

За неделю до того, как покинуть Территорию Дакота и вернуться в Нью-Йорк по Северной Тихоокеанской железной дороге, Рузвельт попрощался с двумя своими лучшими наемными работниками – Биллом Сьюэллом и его племянником Уилмотом Доу, которые управляли его ранчо *Elkhorn* («Олений рог»). Эти двое решили вернуться вместе с женами на Восток в родной штат Мэн. Сьюэлл с самого начала утверждал, что условия в Бедлендсе не подходят для содержания скота. Рузвельт возражал, и теперь ему приходилось за это расплачиваться.

Вскоре в Париж, как и всегда осенью, уехал сосед Рузвель-

---

¹¹ Theodore Roosevelt, *Ranch Life and the Hunting Trail*, 22.

та по Бедлендсу – француз маркиз де Морес. Он оставил огромную скотобойню и гигантское предприятие по переработке и хранению говядины, крупнейшее к западу от Чикаго, – своего рода памятник его амбициям и самолюбию. Империя этого аристократа балансировала на грани банкротства, хотя он и не признался в этом местному репортеру, – до того дошли тревожные слухи, и он решил расспросить обо всем маркиза прямо на вокзале.

Первая снежная буря разразилась в ноябре, затем последовала декабрьская сильнейшая метель со штормовым ветром, продолжавшаяся три дня. Второй снежный шторм застал Грэнвилла Стюарта в дилижансе между Масселшеллом и Флэт-Уиллоу. Видимость была настолько плохой, что он и другие пассажиры по очереди шли с фонарем перед упряжкой лошадей.

В январе наступила кратковременная оттепель, которую сопровождал теплый ветер «чинук»; однако снег, растаявший в результате этого потепления, превратился в толстую ледяную корку через несколько дней, когда вернулись холода. Следующая буря длилась целых 10 дней. Температура упала до -30°C и продолжала падать до: -33°C и, наконец, 15 января – до -43°C . Местами в Дакоте температура достигла -51°C и держалась на этом уровне. Мелкий снег жалил лицо. Подхлестываемый ветром, он проникал в щели, под пороги и наметал небольшие кучки крупинок – крошечных, как песчинки в песочных часах.

Быки и коровы пытались укрыться перед бурей, но ледяная корка на снегу сдирала плоть с их ног. Пытаясь спрятаться в оврагах и сухих руслах рек, они вскоре оказывались погребенными под снежными наносами, где часто задыхались насмерть. Когда в поисках убежища появлялась следующая группа животных, на этом месте вскоре появлялся второй слой трупов. Других животных прижимало к заборам из колючей проволоки, и они, не в силах двинуться, замерзали на ветру. Первыми погибали стельные¹² коровы, за ними – старые быки, а затем нетели и молодые бычки. Когда ударили самые сильные холода, даже жирные быки умирали стоя, застывая на месте.

Та зима на северных пастбищах стала самой холодной за всю историю наблюдений.

На большинстве ранчо хозяева сокращали число работников на зимний период, и поэтому не хватало ковбоев, которые могли бы попытаться перегнать скот в безопасное место. Тедди Блю описывал ситуацию так: «Представьте себе, что вы целый день едете верхом в слепящую метель, температура пятьдесят-шестьдесят градусов ниже нуля¹³, и без обеда. Вы поднимаете стадо на холм, а другое спускается за вами, и все это происходит так медленно; вы пробираетесь за животными по глубокому снегу, приходится сражаться за каждый шаг

---

¹² Стельная корова – беременная. Нетель – молодая телка, еще не телившаяся.

¹³ Примерно от –45 до –51 °С.

пути... То же самое было повсюду в Вайоминге, Монтане и Колорадо, в западной Небраске и западном Канзасе»¹⁴.

Скот забредал на замерзшие реки, где проваливался в полыньи. Животные, шедшие по льду сзади, сталкивали в ледяную воду тех, кто двигался впереди. По оценкам Тедди Блю, Грэнвилл Стюарт потерял таким образом 6000 голов. «Лед шел слегка под уклон к полыньям. Помню, когда мы пытались загнать их обратно на холмы, одна несчастная корова соскользнула в воду. Она подняла голову и держалась за край льда только ею. Мы не могли ее вытащить – наши лошади не имели подков для гололеда, – так что мы ее застрелили»¹⁵.

Скот ослабел, и осмелевшие волки теперь могли наесться досыта. Когда Линкольн Лэнг заметил волчью стаю, наблюдавшую с безопасного расстояния за голодным молодым бычком, он решил отомстить, милосердно убив животное и начинив его тушу целой бутылкой стрихнина. На следующее утро он обнаружил на снегу пятнадцать мертвых крупных волков – по его мнению, рекордная добыча¹⁶ на одну приманку.

Февраль принес новую череду бурь – менее сильных, но более частых, и уцелевший скот оказался уже просто в отчаянном положении. Умиравшие животные забредали в го-

---

¹⁴ E. C. “Teddy Blue” Abbott, *We Pointed Them North*, 176.

¹⁵ *Ibid.*, 183.

¹⁶ Lang, *Ranching with Roosevelt*, 247.

родки в поисках пищи и крова. Быки и коровы бились головами в застекленные окна фермерских домов или пытались протиснуться в двери, от мучительного голода объедая толь¹⁷ со стен хозяйственных построек. Люди в домах слышали отчаянное мычание коров, и осознание того, что они ничего не могут сделать для их спасения, разрывало их сердца. Многие из них будут слышать эти ужасающие звуки во сне еще долгие месяцы.

Смертоносная зима продолжалась – почти библейская по своей жестокости и продолжительности, – словно намереваясь смирить и пристыдить всех, кто участвовал в великом скотоводческом буме.

Когда наконец в апреле наступила оттепель и стоял снег, воздух наполнился смрадом смерти. Овраги и высохшие русла рек были завалены телами погибших животных, трупы также устилали ковром бескрайние поля. Туши свисали даже с деревьев, к которым животные подбирались по снежным сугробам, пытаясь обглодать ветки. Трупы лежали в дренажных канавах и весенних ручьях, они забивали целые участки рек. По словам Линкольна Лэнга, «достаточно было постоять несколько минут на берегу реки и понаблюдать за мрачной процессией, непрерывно двигающейся по течению, чтобы осознать всю глубину трагедии, разыгравшейся в послед-

---

¹⁷ Толь – гидроизоляционный материал: картон, пропитанный дегтярными продуктами.

ние несколько месяцев»¹⁸. Ковбои быстро придумали название для этой трагедии – Большой падёж.

Тедди Рузвельт вернулся в Бедлендс, чтобы оценить ущерб, и, как говорят, три дня ехал на лошади, не увидев ни одного живого бычка.

Поначалу потери животных, как и финансовые потери, казались неисчислимыми. По словам Грэнвилла Стюарта, «это был похоронный звон для скотоводческого бизнеса в тех масштабах, в которых он велся раньше... Бизнес, который увлекал меня, вдруг сделался мне неприятен. Я больше не хотел им заниматься. Я не хотел снова оказаться в ситуации, когда не мог обеспечить своим животным корм и убежище»¹⁹.

Рузвельт, потерявший более двух третей своего стада, общал своему другу Генри Кэботу Лоджу: «Потери сокрушительны. Впервые я совершенно не мог наслаждаться посещением своего ранчо. Буду счастлив вернуться домой». Своей сестре Анне он писал: «Я крайне опечален из-за этого скота; все еще хуже, чем я боялся; хотел бы я быть уверенным, что потеряю не больше половины вложенных денег. Теперь планирую, как из этого выбраться»²⁰.

Один из крупнейших спекулятивных пузырей позолочен-

---

¹⁸ Ibid., 251.

¹⁹ Stuart, *Forty Years on the Frontier*, 236–37.

²⁰ Теодор Рузвельт – Анне Рузвельт, 16 апреля 1887 г., *The Letters of Theodore Roosevelt*, vol. 1, edited by Elting E. Morison.

ного века²¹ сдулся. Однако его влияние на американскую идентичность, развитие промышленности, природоохранное движение и даже на внешнюю политику США еще только предстояло ощутить. Пожалуй, ни один цикл подъема и спада не оказал такого длительного влияния на американское общество, как возвышение и падение скотоводческого царства, однако, как ни странно, эта эпическая сага сегодня в значительной степени забыта.

Итак, перед вами история эры скотоводства на открытых пастбищах, рассказ о том, как на территории, некогда считавшейся Великой американской пустыней, возникла целая отрасль фермерского животноводства и как крупный рогатый скот вытеснял бизонов, стадо за стадом, пока «скотоводческая лихорадка» не сменилась бегством капитала.

Читатель может спросить: зачем нужно вновь возвращаться к событиям, связанным с малоизвестным скотоводческим бумом, на нынешнем этапе американской истории? Возможно, достаточной причиной является то, что последний раз эти события должным образом освещали более 40 лет назад²². Можно привести и еще четыре причины. Во-первых,

---

²¹ Позолоченный век – эпоха быстрого развития американской экономики после Гражданской войны и Реконструкции Юга. Термин придуман Марком Твенном.

²² Лучше всего это сделали Гарнер Соул в *The Long Trail* (1976), Мэри Сандоз в *The Cattlemen* (1958), Уэйн Гард в *The Chisholm Trail* (1954), Эдвард Эверетт Дейл в *Cow Country* (1942), Пол Уэллман в *The Trampling Herd: The Story of the Cattle Range in American History* (1939), Уолтер Прескотт Уэбб в *The Great Plains*

недавние финансовые пузыри в сфере нефти, недвижимости и доткомов²³ напомнили всем американцам, что наша система свободного предпринимательства часто приводит к потрясениям, обусловленным циклами подъема и спада. Одна из целей этой книги – пролить свет на психологию и жадность, которые порождают инвестиционную манию, а также на финансовые и человеческие катастрофы, к которым приводит схлопывание пузырей в какой-либо области. Из этого можно извлечь определенные уроки. Во-вторых, автору, бывшему финансовому журналисту и инвестиционному менеджеру, живущему после выхода на пенсию в Вайоминге и разыскивающему идеи для литературного творчества, эта тема показалась подходящей нравоучительной историей о том, какую цену приходится платить тем, кто игнорирует экономические и экологические реалии в своем неумном стремлении к американской мечте. В-третьих, ретроспективный взгляд и более глубокое понимание мира природы дают нам более широкий контекст для изучения такой катастрофы, как Большой падёж. И наконец, рассказ об этой эпохе позволяет коснуться такой примечательной темы, как история ковбоя и его возвышения до статуса мифического героя.

(1931) и Эрнест Стейплс Огуд в *The Day of the Cattleman* (1929).

²³ Дотком (*англ. dotcom*) – высокотехнологичная компания, которая работает в основном в интернете. Пузырь доткомов – завышение цены акций таких компаний во второй половине 1990-х гг. Обвальное падение индекса этих компаний произошло в марте 2000 г.

В этой книге рассказывается об изнурительных перегонах лонгхорнов²⁴ от мескитовых зарослей на юге Техаса до скотоводческих городков Канзаса. Затем в ней описывается их путь через ворота кровавых чикагских скотобоев Union Stock Yards, откуда говядина отправляется в знаменитые нью-йоркские рестораны братьев Дельмонико, которые первыми стали популяризировать американский стейк. Вы узнаете, какой на самом деле была жизнь ковбоя на пыльных скотопроегонных тропах и в салунах и как миф, выросший вокруг него, удивительным образом расходится с реалиями его обычного существования. Миф о ковбое, несмотря на свое несоответствие действительности, оказался удивительно живучим, особенно после того, как его окончательно приукрасил писатель Оуэн Уистер. Этот миф не только породил новое направление (вестерн) в приключенческой литературе, кинематографе и индустрии развлечений, но и удивительным образом повлиял на нашу национальную политику.

В нашем путешествии мы посетим город Шайенн (штат Вайоминг) – крупнейший из скотоводческих городов на севере, с магазинами и величественными особняками, построенными в эпоху бума. Побывав в элитарном Шайенском клубе, мы увидим богатых скотоводов за работой и игрой, а также станем свидетелями того, как после периода небы-

---

²⁴ Лонгхорн (*англ. longhorn* – «длинный рог») – порода крупного рогатого скота с длинными рогами.

валоги подъема они пришли к таким сомнительным делам, как самосуд.

Что касается отдельных судеб, эта книга рассказывает, какие возможности и проблемы возникали у молодых людей, богатых и бедных, недавних выпускников Гарвардского университета или фермеров, таких как Тедди Блю Эбботт, отважившихся заняться скотоводством на Великих равнинах. Среди прочего мы проследим карьеры трех 25-летних аристократов, которые, поддавшись скотоводческой лихорадке, решили попытать счастья в этой области: англичанина Мортона Фрюэна, француза маркиза де Мореса и ньюйоркца Теодора Рузвельта. Отчасти благодаря опыту Теодора Рузвельта в годы его работы на ранчо на Территории Дакота в ту эпоху было положено начало американскому природоохранному движению.

Временами наше повествование отходит от этих событий, чтобы мы могли рассмотреть более масштабные силы, стимулировавшие индустриализацию сельского хозяйства и непосредственно влиявшие на нее. Мы увидим, что мировая торговля и потоки капитала определяли происходящее не меньше, чем сами скотоводы, способствуя привлечению инвестиций шотландских и английских финансистов, стремившихся получить более высокую прибыль на вложенный капитал. Связи скотоводческой отрасли с другими странами и рынками расширяли границы национальной торговли, вовлекая ее в зарождающийся глобальный рынок, а бла-

годаря мультикультурному характеру торговли скотом – с ее разношерстными группами ковбоев и скотоводов и их конкуренцией с переселенцами, состав которых был не менее разнообразным, – эта отрасль не только помогла преодолеть региональные разногласия, возникшие в результате Гражданской войны, но и заложила основы той мультикультурной нации, которой сегодня является народ Соединенных Штатов. Эра скотоводства в гораздо большей степени, нежели золотая лихорадка, сформировала романтическое представление о предпринимательстве: то самое стремление к личной свободе и экономическим возможностям, которое сегодня заставляет молодых выпускников колледжей устремляться в Кремниевую долину.

Действительно, именно предприниматели в сфере холодильной и мясоперерабатывающей промышленности, такие как Густавус Франклин Свифт и Филип Данфорт Армор, заложили основу для «американского века», используя новаторские методы управления, благодаря которым их предприятия превратились в первые в стране промышленные гиганты с полным циклом производства. Благодаря царству скотоводства и попыткам как можно быстрее кодифицировать разведение, убой и транспортировку животных, страна сделала гигантский шаг на пути к превращению в преимущественно индустриальное общество.

Этот период американской истории изобилует инновациями и отличался быстрым развитием в области медици-

ны и технологий животноводства, что позволяло сколачивать состояния и спасать жизни. Не менее значимым событием стало изобретение колючей проволоки, которая буквально изменила ландшафт Запада и создала предпосылки для окончательного завершения той эпохи – ценой огромных личных проблем для многих ее ключевых игроков.

Сегодня нам приходится находить компромиссы между экономическими устремлениями и политикой в области общественного землепользования, которые противоречат друг другу – в немалой степени в результате влияния того скотоводческого царства. Мы также вынуждены искать равновесия между неограниченной эксплуатацией наших природных ресурсов и необходимостью бережного отношения к окружающей среде. Все эти проблемы начались в конце 1860-х гг. на открытых пастбищах.

Хотя царство скотоводов формально не прекратило свое существование после Большого падежа, он сильно пошатнул отрасль. По мнению большинства историков, настоящий конец той эпохи обозначила самая известная из последовавших далее земельных войн – кровавый запутанный конфликт, получивший название «война в округе Джонсон». Именно здесь ковбой и скотовод, олицетворяющие соответственно утрачивающую свою ценность рабочую силу и капитал, наконец сталкиваются в жестоком финале этой схватки, достойном голливудского вестерна.

Только трое из тех людей, о которых пойдет речь в этом

повествовании, дожили до конца эпохи открытых пастбищ. Это ковбой Тедди Блю Эбботт, выпускник Гарварда Хьюберт Тешмахер и практичный шотландец Джон Клей. Возможно, их помнят не так хорошо, как других героев того времени, но личные истории этой троицы позволяют более полно продемонстрировать все стороны опыта, с которым приходилось сталкиваться молодым людям в этом коварном бизнесе.

Когда в конце весны 1887 г. было окончательно подсчитано число погибших животных, оказалось, что Большой падёж унес около миллиона голов – от 50 до 80 %²⁵ в различных стадах на северных пастбищах, что стало самой масштабной потерей животных²⁶ за всю историю пастбищного животноводства. По количеству смертей с ним может сравниться только одно событие. Оно произошло в том же ландшафте всего 20 годами ранее, в начале великой эры скотоводства: речь идет об истреблении американского бизона.

---

²⁵ Некоторые историки, например Уильям Террентин Джексон, оспаривают эти цифры и утверждают, что реальные потери были гораздо меньше. Однако к весне большинство выживших животных были настолько истощены, что многие скотоводы, несомненно, отнесли их к потерям, а другие использовали падёж как предлог для исправления завышенных подсчетов «по бумагам» поголовья на своих пастбищах.

²⁶ Donald Worster, *Under Western Skies*, 41.

Часть I. Начало бума

1

Гибель бизонов

---

13 января 1872 г. в Норт-Платте (штат Небраска) на частном поезде в сопровождении свиты придворных в расшитых золотом мундирах прибыл 22-летний великий князь Алексей Романов, четвертый сын русского царя. Великий князь приехал поохотиться на бизонов.

Для торжественной встречи князя на вокзале собрали две пехотные роты, два эскадрона кавалерии, армейский оркестр, а также поваров и курьеров. Среди представителей принимающей стороны были такие знаменитости²⁷, как герой Гражданской войны генерал-майор Филип Генри Шеридан (в то время командующий военным округом Миссури), подполковник Джордж Армстронг Кастер, прославившийся в войнах с индейцами, и Уильям Фредерик Коди по прозвищу Буффало Билл, впоследствии ставший знаменитым бла-

---

²⁷ Douglas D. Scott, Peter Bleed, and Stephen Damm, *Custer, Cody, and Grand Duke Alexis*, 38.

годаря гастролям его странствующего шоу «Дикий Запад».

Развлечения, которые устроили для именитого гостя в этой дикой местности, включали пышный пир среди палаток, поставленных у реки Ред-Уиллоу-Крик, и знакомство с вождями местных племен, в том числе с Пятнистым Хвостом из племени брюле-сиу, которого уговорили присоединиться к экспедиции вместе с четырьмя сотнями воинов сиу в обмен на 25 повозок муки, сахара, кофе и табака. Возможно, американцы надеялись, что Пятнистый Хвост явится в своем знаменитом военном одеянии, украшенном более чем сотней скальпов, добытых в бою; однако он надел довольно поношенный костюм-двойку из серой шерстяной ткани, принятый у белых, лишь набросив на плечи индейскую накидку. Для пущей зрелищности группа воинов, приведенных Пятнистым Хвостом, исполнила традиционный военный танец.

В первое утро охоты группа галопом проскакала по холму и спустилась к большому стаду пасущихся бизонов. Если судить по явно приукрашенному рассказу Коди, князь оказался плохим стрелком. Он беспорядочно стрелял с лошади из пистолета по, как обычно, смирным бизонам и промахивался даже с небольшого расстояния. Только после того, как Коди вручил князю свою собственную винтовку Springfield Model 1863, прозванную «Лукреция Борджиа», русскому аристократу удалось завалить своего первого зверя. Тут же взвились флаги, присутствующие принялись раз-

махивать шляпами, прозвучал тост под звон бокалов с шампанским. Князь соскочил с коня и саблей отрубил бизону хвост, чтобы унести в качестве трофея.

На следующий день князю удалось убить еще двух бизонов. Всего же за пять дней охоты он уничтожил восемь животных, включая двух, которых предположительно застрелил где-то в окрестностях Денвера из окна своего вагона. В Россию великий князь Алексей вернулся с хвостами, головами и дублеными шкурами бизонов в качестве сувениров.

Ничего подобного так называемой Большой царской охоте на бизонов на американской земле уже никогда не произойдет. Всего через три года охотиться на них станет невозможно: бизоны исчезнут.

В течение первых 90 лет существования новой республики большинство жителей Соединенных Штатов воспринимали открытые пространства американского Запада как бесплодную пустошь, не имеющую ни внутренней стоимости, ни экономической ценности. С географической точки зрения ее считали глубокой периферией²⁸, Великой американской пустыней, пригодной для обитания только «диких» племен индейцев – несмотря на то что ее площадь состав-

---

²⁸ В 1820 г. исследователь майор Стивен Лонг впервые описал эту территорию как Великую пустыню и счел ее «негодной для возделывания и, конечно, непригодной для жизни людей, зависящих от сельского хозяйства».

ляла несколько сотен миллионов акров²⁹. Эта огромная территория включала в себя Великие равнины, Высокие равнины, полусухие прерии и предгорья Скалистых гор и простиралась от реки Миссури, по которой в настоящее время проходит граница штата Айова, на запад до Скалистых гор, и от Красной реки, протекающей вдоль нынешней границы Техаса и Оклахомы, на север до Канады. Такое пренебрежительное отношение к просторам американского Запада сохранялось из-за неправильного представления об экологическом разнообразии этих земель и незнания того факта, что здесь водились стада бизонов, насчитывавшие десятки миллионов голов.

Коренные американцы, проживавшие на этих территориях, – около двух десятков племен разной численности – обладали гораздо более разумным взглядом на свои земли и жили в единении с природой и в духовной гармонии с ней. Культура и жизнь многих из этих племен зависели от бизонов, которые служили источником пищи, а также давали материал для одежды, жилья и оружия. При этом связь индейцев с бизонами, возможно, выражалась не просто в пассивном потреблении ресурсов, предоставляемых природой. Вероятно, в течение двух тысяч лет индейцы активно разводили животных на Великих равнинах, рассматривая эту территорию как одно гигантское пастбище³⁰, находящееся в их вла-

---

²⁹ Акр – около 0,4 га.

³⁰ Charles C. Mann, 1491: *New Revelations of the Americas Before Columbus*.

дении. Вполне возможно, что они выжигали леса под пастбища, чтобы стимулировать рост травы, которой кормились бизоны; если эта гипотеза верна, то она опровергает популярный миф о том, что во времена заселения европейцами американский Запад был девственно дикой территорией.

Те, кому довелось увидеть гигантские стада бизонов, не могли забыть это зрелище. Самые большие из них, казалось, покрывали обширные долины сплошным черным меховым ковром, соперничая по численности со всеми стадами диких животных, которые люди видели в африканских саваннах. В 1839 г. Томас Фарнхэм, ехавший по тропе Санта-Фе³¹, сообщил, что ему потребовалось три дня, чтобы пробраться сквозь стадо бизонов, преодолев при этом 45 миль (72 км). В какой-то момент он видел бизонов на 15 миль (24 км) во всех направлениях, что позволяет оценить площадь, занимаемую стадом, примерно в 1350 кв. миль (3500 км²). В 1859 г. Люк Вурхиз утверждал, что где-то на границе Колорадо и Небраски двигался через скопления этих животных на протяжении двух сотен миль (320 км). А лет десять спустя полковник Р. Додж проехал у реки Арканзас через стадо³², ширина которого составляла 25 миль, а длина – 50 (40 и 80 км).

Художник Джордж Кэтлин плыл на каноэ по Миссури

---

³¹ Тропа Санта-Фе – маршрут длиной около 1400 км, соединявший в XIX в. города Франклин (штат Миссури) и Санта-Фе (штат Нью-Мексико).

³² William T. Hornaday, *The Extinction of the American Bison*, 390–91.

на Территории Дакота и за поворотом реки столкнулся с одним из таких колоссальных стад, которое переправлялось через поток. Плывущие фыркающие животные фактически запрудили реку. Кэтлин и его перепугавшиеся спутники успели вытащить свои каноэ на берег – еще несколько секунд, и стадо бы их просто раздавило. Долгие часы они ждали³³, пока бизоны пересекут поток, наблюдая, как животные спускаются с зеленых холмов на одной стороне, переплывают реку сплошной массой голов и рогов, а затем галопом поднимаются по откосам на другой стороне. За это время бизоны успели разрушить берег высотой около 5 м, прорезав себе дорогу по обе стороны реки.

Представления белых людей о равнинах и прериях в конце концов начали меняться в связи с бурным экономическим развитием в десятилетия, предшествовавшие Гражданской войне. Этому способствовали крах пушной торговли, обнаружение золота, строительство железных дорог и потоки переселенцев, двигавшиеся на запад по Орегонской и Мормонской тропам³⁴, а также тропе Санта-Фе. Благодаря бывшим добытчикам пушнины и направлявшимся в Калифорнию переселенцам, которые перегоняли своих быков и коров, к началу 1860-х гг. в западных фортах и форпостах появились

---

³³ Там же, 393.

³⁴ Орегонская тропа (около 3200 км) соединяла штат Миссури с территорией современного штата Орегон на северо-западном побережье Соединенных Штатов. Мормонская тропа (около 2100 км) шла от штата Иллинойс до основанного мормонами города Солт-Лейк-Сити в штате Юта.

первые маленькие стада крупного рогатого скота. Небольшое количество скота разводили владельцы магазинов и торговцы, стремившиеся накормить прибывающих рудокопов и железнодорожных рабочих. Первые скотоводы Запада, такие как Джон Уэсли Илифф – бывший бакалейщик, создавший в 1861 г. рядом с Денвером стадо, чтобы кормить железнодорожников, начали верить в то, что одомашненный скот вполне может выдержать местные длительные зимы и засушливый климат. Если бы это предположение оказалось верным, то скотоводство на открытых пастбищах могло бы принести большие деньги.

Контракты, заключенные Илиффом с железнодорожными компаниями и военными фортами, оказались такими выгодными, что он сумел купить более сотни миль земли вдоль реки Саут-Платт в Колорадо. Со временем его угодья расширились настолько, что он мог неделю ехать в одном направлении, ночуя исключительно в строениях, принадлежавших собственному ранчо. Он стал первым, кто получил прозвище «король скота».

Однако если появляется домашний скот, то конкурирующие с ним на пастбищах бизоны должны исчезнуть, хотя скотоводы редко говорили об этом открыто. Изначально такой исход казался совершенно невероятным – если учесть, казалось бы, бесконечное количество бизонов. Однако за поразительно короткий срок – менее 20 лет – бизоны оказались на грани вымирания, и к югу от Канады их осталось

всего лишь 325 особей. Тем временем их место заняли около 5,5 млн голов крупного рогатого скота – поначалу почти исключительно тexasские лонгхорны. Один вид крупных копытных животных вытеснил другой почти так же уверенно, как автомобили вытеснили конные повозки. Считалось, что крупный рогатый скот превосходит бизонов в качестве машины для переработки травы в шкуру и мясо, а в конечном итоге – в доллары.

Хотя и кашалот, и калан, и обреченный на вымирание странствующий голубь столкнулись с аналогичной угрозой со стороны жаждущих наживы охотников и бизнесменов, ничто не могло сравниться с массовым истреблением бизонов по численности жертв, проявленной при этом расточительности и скорости приближения животных к вымиранию. Колоссальные усилия людей по их уничтожению привели к ужасающей кровавой бойне. С точки зрения стороннего наблюдателя эта перемена выглядела бы, наверное, как простой экологический трюк: в мгновение ока бизоны исчезли – и на их месте появился крупный рогатый скот.

Этот великий переход, когда на смену одному виду подсемейства бычьих пришел другой, ознаменовал, как пишет историк Ричард Уайт, «превращение равнин, пустынь и гор из биологической республики в биологическую монархию, в которой царил человек, бесполезность низших живых существ была преступлением, караемым смертью, а господ-

ствующей ценностью оказалась предприимчивость»³⁵. Такое владычество над американским Западом и различными видами обитающих там животных стало возможным с появлением железных дорог.

По мере медленного продвижения Тихоокеанской железной дороги, которую строила компания Union Pacific, через континент, рельсы поделили всю популяцию бизонов на два основных стада – южное и северное. Южное стадо, насчитывавшее около 5 млн животных, исчезло всего за четыре года – с 1872 по 1875 г. Несколько меньшее по численности северное стадо продержалось дольше, но после аналогичного натиска исчезло к 1883 г. Этому способствовало строительство новых железнодорожных линий: они обеспечили легкий доступ к бизонам для промысловых охотников и людей, убивавших зверей ради развлечения.

Руководство железных дорог поощряло такую охоту, надеясь тем самым избавиться от стад, которые часто перекрывали пути и из-за которых локомотивы сходили с рельсов. При встрече поезда с бизонами возникала атмосфера, напоминающая карнавал. Пассажирам предлагали стрелять в зверей из окон вагонов. Подстреленных животных оставляли умирать, и их туши гнили, валяясь вдоль путей. Исчезновению бизонов радовались и телеграфные компании: животные по очереди терлись о телеграфные столбы, и за считанные

---

³⁵ Ричард Уайт в работе *Oxford History of the American West*, Milner et al., eds., 257.

часы звери могли повалить их³⁶, нарушив жизненно важную линию связи.

Первоначально промысловые охотники работали в одиночку или парами; они добывали шкуры бизонов для изготовления накидок и одеял. Эта работа была крайне грязной, и статус профессии был настолько низок, что первые скотоводы избегали таких охотников, именуя их «вонючками», поскольку их одежда часто пахла кровью и навозом бизонов. Тедди Блю писал про них следующее: «Охотники на бизонов не мылись и выглядели как животные. Они носили прочную, тяжелую, теплую одежду, никогда ее не меняя. Можно было видеть, как они втроем или вчетвером подходят к бару, запускают руки под одежду и ждут, кто первым поймает вошь, чтобы выпить. Они были все покрыты вшами и гордились этим»³⁷.

То, что начиналось как кустарный бизнес, вскоре превратилось в полноценную индустрию. Из дубленых шкур изготавливали мужскую верхнюю одежду, добавляя фланелевую подкладку. Еще одним популярным товаром было покрывало для ног. Такими шкурами прикрывали колени во время поездок в санях или карете, однако их использовали и в помещении, поскольку центрального отопления еще не существовало. Лучшим материалом для покрывал считалась зимняя шкура самок, поскольку мех на ней был менее грубым,

---

³⁶ Nathaniel Burt, *Wyoming*, 44.

³⁷ E. C. “Teddy Blue” Abbott, *We Pointed Them North*, 102.

чем у быков. Вскоре охотники начали специально отстреливать самок.

Окончательно судьбу бизонов решило открытие, сделанное на одной из кожевенных фабрик в Филадельфии. Из сшитых полос бизоньей шкуры получались отличные ремни, которые использовались при изготовлении приводов для стационарных паровых двигателей и другого промышленного оборудования. Практически в одночасье спрос на бизоньи шкуры стал круглогодичным. Для его удовлетворения создавались синдикаты охотников, вооруженных новейшими винтовками, заряжавшимися с казенной части³⁸.

Затем последовала настоящая кровавая оргия.

Каждый, кто сталкивался с бизоном в дикой природе, подтвердит, что это удивительно смирное животное, которое нелегко вывести из себя. Охотиться на бизонов – все равно что ловить рыбу в бочке. Историк Френсис Паркман в книге «Калифорнийская и Орегонская тропа»³⁹ описал два наиболее распространенных способа охоты на бизонов. При первом методе – «осторожной охоте» – охотник приближался

---

³⁸ Переход от дульнозарядных мушкетов к казнозарядным винтовкам стал одним из величайших прорывов в развитии огнестрельного оружия и позволил значительно ускорить процесс заряжания и стрельбы, особенно с появлением игольчатых или шпильчатых конструкций, впервые запатентованных Жаном Самуэлем Паули в Париже в 1808 г.

³⁹ Калифорнийская тропа – маршрут (2600 км), по которому переселенцы двигались из Миссури в Калифорнию. В первой части совпадала с Орегонской тропой.

к стаду тихо, пешком. «Бизоны – странные животные; они настолько глупы и иногда так заняты чем-то, что человек может подойти к ним по прерии совершенно открыто и даже застрелить нескольких, прежде чем остальные задумаются о необходимости удрать»⁴⁰. Ему следовало бы добавить, что такая форма охоты – и не охота вовсе, а настоящая бойня.

Второй, гораздо более захватывающий способ – конная охота – состоял в том, что всадники неслись галопом, настигали стадо, отсекали несколько убегающих животных и стреляли с близкого расстояния. К недостаткам этого способа относились вполне реальная опасность того, что раненый бизон может развернуться и броситься на лошадь и всадника, а также сложность перезарядки пистолета или винтовки во время скачки. Многие охотники для удобства держали во рту по три-четыре пули, что тоже было сопряжено с определенным риском.

Но самую серьезную опасность при конной охоте представляла неровная местность. Охотник-любитель Александр Росс стал свидетелем ужасного происшествия, когда его группа скакала галопом по каменистой равнине, испещренной барсучьими норами. На земле оказались двадцать три лошади с всадниками. Лошадь, которую боднул бизон-самец, погибла мгновенно. Еще две сломали ноги. У одного всадника треснула ключица, другой случайно разрядил ружье и отстрелил себе три пальца, третьего ранило в колено

---

⁴⁰ Francis Parkman Jr., *The Oregon Trail*, 244.

ружейной пулей. Несмотря на все эти неприятности, во второй половине дня охотники вернулись в лагерь с 1375 языками бизонов⁴¹ – единственными кусками мяса, которые они вырезали из убитых животных.

Говорят, что Орландо Браун в 1876 г. за два месяца застрелил 5855 бизонов, то есть примерно по 97 бизонов в день. Буффало Билл Коди утверждал, что за 10 лет своей карьеры охотника на бизонов он убил 20 000 животных.

Во всех охотничьих синдикатах существовало разделение труда. Один из охотников – забойщик – должен был сосредоточиваться на стрельбе; его задача состояла в том, чтобы с безопасного расстояния попасть бизону в легкие и не израсходовать при этом слишком много патронов, ведь сильно продырявленная шкура практически ничего не стоила. Такой стрелок всегда начинал с вожака стада, как правило старшей самки, поскольку ее ранение неизбежно вызывало замешательство у остальных животных. Ближайшие к ней бизоны собирались вокруг и становились следующими мишенями. После выстрела животное падало на колени или на бок и истекало кровью, льющейся из носа и рта. В конце концов какая-нибудь другая самка брала на себя роль вожака и пыталась увести стадо – и теперь убивали уже ее. Хороший стрелок, вооруженный 16-фунтовым (около 7 кг) карабином Шарпса и имеющий сотню зарядов в поясе-патронташе, мог застрелить до двух бизонов в минуту. Делать паузу или ме-

---

⁴¹ Hornaday, *The Extermination of the American Bison*, 474.

нять винтовку приходилось только тогда, когда ствол сильно нагревался.

Затем к подстреленным бизонам подходили шкуродеры, вооруженные как минимум двумя ножами – для разрезания шкуры и отделения ее от мяса. Процесс снятия шкуры с одного животного занимал от 10 до 15 минут. Первый разрез, сделанный должным образом, шел от горла вдоль живота; у самцов перерезали сухожилия в области мошонки. Следующие надрезы производились вокруг головы, захватывая уши и оставляя остальную часть; далее надрезали вдоль тыльную сторону задних ног и переднюю сторону передних ног. После этого начинали снимать шкуру. Для этой процедуры, начинавшейся от коленей, требовались острые лезвия и большая сила. Если имелась лошадь⁴², то шкуру с туши стягивали с ее помощью. Хороший шкуродер мог снять за день от 30 до 40 шкур, каждая из которых весила около 100 фунтов (45 кг).

В состав такого синдиката входили также те, кто чистил оружие и наполнял патронташи, повара, кузнецы, ранглеры – молодые ковбои, присматривавшие за лошадьми, и погонщики, управлявшие упряжками волов, тащивших фургоны. Другие работники растягивали и раскладывали шкуры на ровной площадке для просушки – сначала окровавленной стороной вверх, а мехом вниз. При больших объемах работ требовалась площадь в несколько акров. Когда обе сто-

---

⁴² Stanley Vestal, *Dodge City*, 47.

роны подсыхали, шкуры складывали в огромные груды, которые ежедневно разбирали и раскладывали на солнце до тех пор, пока шкуры не будут окончательно высушены. При этом они теряли примерно половину своего веса, что удешевляло их транспортировку. Затем товар доставляли на повозках до ближайшей железнодорожной станции, где располагались склады для их хранения, рассчитанные на десятки тысяч штук; здесь шкуры ждали отправки на восток – на кожевенные заводы Чикаго, Канзас-Сити и Европы.

Одна шкура могла продаваться за 25 центов в охотничьих угодьях и за 3 доллара в Канзас-Сити. Верхняя одежда из нее стоила уже до 50 долларов. 22-летний охотник на бизонов Фрэнк Мейер писал: «Когда я занялся этим бизнесом, то сел, чтобы все обдумать, и решил, что я действительно один из баловней судьбы. Только представьте! Там 20 млн бизонов, каждый из которых стоил не менее 3 долларов – то есть 60 млн долларов. Я мог бы убивать по 100 в день... что принесло бы 6000 долларов в месяц – в три раза больше, чем платили президенту Соединенных Штатов, и в 100 раз больше, чем мог бы заработать человек на хорошем месте»⁴³. К концу 1870-х гг. в этой отрасли работало⁴⁴ уже 5000 охотников и шкуродеров.

При этом в порядке вещей было невероятное количество отходов. По некоторым оценкам, только одна шкура из че-

---

⁴³ Geoffrey C. Ward, *The West*, 263.

⁴⁴ Там же, 263.

тырех оказывалась достаточно качественной для продажи. Охотники редко забирали бизонье мясо, и то, как правило, только язык и горб. На равнинах оставалось гнить так много освежеванных туш, что через несколько лет возник целый промысел собирания выбеленных солнцем костей бизонов. Из них вырезали разные безделушки или перерабатывали в костяной уголь – продукт, который использовался для фильтрации воды, осветления сахара при рафинировании или для переработки сырой нефти в петролатум⁴⁵.

Последним важным фактором, способствовавшим уничтожению бизонов, стала негласная политика армии, направленная на то, чтобы лишить индейцев Великих равнин самого важного для них продукта питания – бизоньего мяса, что в конечном итоге привело к их зависимости от правительства США в отношении продовольствия. Историки до сих пор спорят, насколько осознанным и продуманным был этот план, но нет никаких сомнений в том, что военные бесплатно раздавали охотникам боеприпасы, поощряли солдат к участию в охоте ради развлечения и организовали ряд роскошных охотничьих экспедиций для высокопоставленных лиц, самой известной из которых была Большая царская охота на бизонов, упомянутая выше.

Как заметил Тедди Блю, «вся эта бойня была подстроена правительством, чтобы контролировать индейцев, лишая их

---

⁴⁵ Петролатум – смесь углеводородов, используемая в косметических и гигиенических средствах. Одна из разновидностей – вазелин.

еды. И с этим ничего нельзя было поделаться. Но все равно это был бесчестный и грязный способ ведения дел, и ковбои, как правило, испытывали определенную симпатию к индейцам»⁴⁶.

Коренные американцы прекрасно понимали, что и почему происходит. Сатанта, вождь племени кайова, говорил: «Эти солдаты вырубают мой лес, они убивают моих бизонов, и когда я вижу это, мое сердце разрывается... Неужели белый человек превратился в ребенка, который безрассудно убивает и не ест добычу? Когда краснокожие убивают животное, они делают это, чтобы выжить и не умереть с голоду»⁴⁷. Ему вторил Десять Медведей, вождь ямпарика, одного из племен народа команчей: «Так почему же вы просите нас бросить реки, солнце и ветер и жить в домах? Не просите нас отказаться от бизонов в пользу овец. Молодежь слышала такие разговоры, и это ее огорчает и злит. Не говорите об этом больше»⁴⁸.

Особая вина в этих событиях лежит на генерале Филипе Шеридане, руководившем в этот период военными действиями на землях, лежащих за Миссури. Именно Шеридан во время Гражданской войны опустошил долину Шенандоа, пытаясь победить конфедератов с помощью голода⁴⁹.

---

⁴⁶ Abbott, *We Pointed Them North*, 101–2.

⁴⁷ Dee Brown, *Bury My Heart at Wounded Knee*, 241.

⁴⁸ Там же, 242.

⁴⁹ В долине Шенандоа располагался лагерь войск южан. После нескольких поражений Шеридан в сентябре 1864 г. приказал своим войскам сжечь в долине все, чем могли воспользоваться войска Конфедерации, – фермы, мельницы, по-

Аналогичную тактику он использовал и в отношении коренных американцев. Так, Шеридану приписывают фразу «Хороший индеец – мертвый индеец», хотя он всегда отрицал, что произносил ее. Кроме того, утверждают, что в то время он призывал законодательное собрание Техаса «позволить убивать, снимать шкуры и продавать до тех пор, пока бизоны не будут истреблены, поскольку это единственный способ установить прочный мир и позволить цивилизации двигаться вперед»⁵⁰.

Подобные неправомерные действия совершали должностные лица и в Вашингтоне (округ Колумбия), и в Белом доме. Когда в 1874 г. конгресс разработал федеральный законопроект, направленный на защиту сокращающихся стад бизонов, президент Улисс Грант использовал карманное вето⁵¹, чтобы воспрепятствовать его принятию.

Уильям Темпл Хорнадей, директор Нью-Йоркского зоологического парка, критиковавший пренебрежительное отношение правительства к проблеме бизонов, в своей книге «Истребление американского бизона» утверждал, что, когда

севы и так далее. – *Прим. пер.*

⁵⁰ Roy Morris Jr., *Sheridan*, 342–43.

⁵¹ Карманное вето – абсолютное вето президента США на какой-либо законопроект (билль), которое он может применить в конце сессии действующего конгресса. Поскольку работы по биллю запрещено переносить на следующую сессию, то такое решение президента (как бы кладущего законопроект «себе в карман») фактически вынуждает запускать работу по биллю заново на следующей сессии конгресса.

политики, бизнесмены и охотники-любители взялись за уничтожение этих животных, их популяция, возможно, уже сокращалась. Поселения людей, распространявшиеся вдоль различных западных рек, отнимали у них лучшие места обитания. К тому же в борьбе за пищу бизоны столкнулись с растущей конкуренцией со стороны новых обитателей экосистемы, в частности диких мустангов, которых, как и первых коров, завезли на континент испанские конкистадоры. Возможно также, что гигантские стада, вызывавшие благоговейный трепет у тех, кто их видел впервые, на самом деле образовались в результате «популяционного взрыва» – резкого увеличения численности, – вызванного значительным сокращением истребления их индейцами, численность населения которых, в свою очередь, сократилась из-за эпидемий оспы, тифа, кори, гриппа и прочих заболеваний, завезенных европейцами. Таким образом, популяция бизонов, возможно, достигла уровня, который сложно поддерживать, что могло вызвать стремительное падение численности. Массовое истребление только ускорило этот процесс.

Хорнадей указал пять причин почти полного исчезновения бизонов: человеческая жадность, непростительное пренебрежение со стороны правительства, тот факт, что охотники предпочитали добывать шкуры самок, «феноменальную глупость самих животных и их безразличное отношение к человеку»⁵² и, пожалуй, наиболее губительную – развитие

---

⁵² Hornaday, *The Extermination of the American Bison*, 465.

огнестрельного оружия, например появление казнозарядных винтовок и унитарных патронов.

Природоохранных организаций тогда не существовало, влиятельных защитников животных, таких как Хорнадей, было немного, и массовое истребление бизонов продолжалось до весны 1884 г. Когда в тот год промысловые охотники, как обычно, отправились за бизонами, то уже их не нашли.

Всего через несколько лет Хорнадей напишет следующее: «На всем Западе не осталось ни одной кости или кусочка мяса, указывающих на присутствие бизонов... Подобного, вероятно, не было ранее ни в одной стране и, несомненно, никогда больше не будет». Возмущенный потерей этих животных, он не терпел тех, кто говорил, что истребление бизонов нельзя было остановить: «Такое обвинение в слабости и беспомощности со стороны национального правительства – это оскорбление по отношению к тому, что является нашей силой и ресурсами. Охрана животных сейчас и всегда – это просто вопрос денег»⁵³.

К 1902 г. в Йеллоустонском национальном парке осталось всего два десятка бизонов; от охотников их защищали наказания, предусмотренные законом Лейси, принятом в 1894 г. С этого уцелевшего стада началось медленное восстановление популяции, в которое свой вклад внесли и Служба национальных парков, и сам Уильям Хорнадей, ставший в 1905 г. одним из основателей Американского общества по защите

---

⁵³ Там же, 520–21.

бизонов – первой природоохранной организации, занимавшейся возвращением животных в дикую природу. Сегодня число бизонов в Йеллоустоне колеблется от 2500 до 4000 особей, еще около 30 000 бродят по государственным и частным территориям за пределами парка, однако бизон вряд ли сможет вернуть себе роль ключевого вида на открытых пастбищах в прериях.

Исчезновение этих животных стало первой крупной экологической катастрофой в истории Соединенных Штатов. Не за горами была и вторая, на этот раз затронувшая крупный рогатый скот.

После того как бизоны исчезли с открытых пастбищ, а так называемая проблема индейцев в значительной степени потеряла остроту в результате переселения племен в резервации, для начала скотоводческого бума требовался лишь один катализатор – экономический стимул. Он появился после окончания Гражданской войны, когда экономика Конфедерации была полностью разрушена. Главным среди обедневших штатов, имевшим, пожалуй, наихудшие экономические перспективы в период послевоенного восстановления, был Техас. И именно здесь, на находившихся в бедственном положении южных землях, весной 1866 г. началась эра царства скотоводов.

2

Скот за деньги

Житель штата Айова Джордж Даффилд – единственный известный гуртовщик эры скотоводов, который вел дневник своих перегонов. Его записи – печальный рассказ о трудностях, связанных с доставкой тысячи голов лонгхорнов на север из Техаса в Айову в 1866 г.

Дождь идет уже три дня... Ливень, ветер и куча неприятностей... Моя лошадь угодила в канаву, и я сильно повредил колено... По-прежнему темно и мрачно. Река поднялась. Все вокруг кажется унылым... Прошлой ночью была сильная гроза. Из-за паники в стаде потеряли 100 животных... нашли 50. Все [люди] устали. Все удручает... Переплыли реку с помощью веревки, а затем перетащили фургон. Потеряли почти всю кухонную утварь: чайники, кофейники, кружки, миски, фляжки... Один сплошной дождь... Весь скот разбежался [ночью], и утром мы не увидели ни одного бычка. Целый день собираем стадо... Работники в унынии... Есть нечего... Все мрачно. Четверо лучших работников ушли... Дождь

Поражение в Гражданской войне разрушило экономический фундамент американского Юга. К концу войны, весной 1865 г., значительная часть городов, таких как Атланта и Чарльстон, превратилась в обгоревшие руины. Плантационная система, основанная на рабском труде, распалась, что увеличило и без того массовую безработицу. Не было ни официальных органов власти, ни полиции, ни судов, ни почтовой службы, а валюта ничего не стоила – как, впрочем, и все ценные бумаги правительства Конфедерации. Жители навсегда потеряли свои сбережения, если они не были в виде золота.

Мало в каких регионах Юга перспективы были столь же мрачными, как в Техасе, территория которого в основном все еще оставалась невозделанной и малозаселенной: в самом крупном городе – Галвестоне – проживало менее 10 000 человек. Техасские скотоводческие хозяйства, как правило, были небольшими; ими управляли крепкие мужчины шотландского или ирландского происхождения, готовые защищать свое добро от набегов команчей. Помимо разведения скота, здесь чаще всего выращивали кукурузу и хлопок – важнейшую сельскохозяйственную культуру штата. Когда молодежь ушла на войну, большинство хлопковых плантаций и скотоводческих ранчо оказались заброшенными.

---

⁵⁴ George Duffield, “Driving Cattle from Texas to Iowa, 1866”, *Annals of Iowa*.

Тем не менее после войны техасцы обнаружили, что один товар имеется у них в изобилии – одичавший рогатый скот породы лонгхорн.

Традиционно крупный рогатый скот ценили за шкуры и жир, который использовался для изготовления мыла, свечей и смазок. Тощее мясо не пользовалось спросом на северных рынках до Гражданской войны, однако сами техасцы употребляли его в пищу, и оно было недорогим. Подходило для домашнего использования, но не годилось для бизнеса.

После войны ситуация изменилась. В городах северян, таких как Нью-Йорк, экономика процветала благодаря государственным заказам в отраслях, задействованных в военной сфере, уровень жизни быстро повышался, а вместе с ним менялись и вкусы. Свинина, долгое время являвшаяся основным белковым продуктом в рационе среднего американца, потеряла популярность, ей на смену пришла говядина. В результате цены на говядину на северо-востоке страны резко возросли: бычок, стоивший в Техасе 4 доллара, в Нью-Йорке продавался за 40–50 долларов. Поголовье лонгхорнов в Техасе резко увеличилось, поскольку во время войны они в основном были предоставлены сами себе. Предложение казалось неограниченным.

Отчаявшимся скотоводам Техаса не потребовалось много времени, чтобы обнаружить открывшуюся возможность, и они ухватились за нее. Все, что им требовалось, – перегонять скот с бедных пастбищ южной части Техаса на рын-

ки Севера и класть прибыль в карман. Существовал и второй недостаточно обеспеченный мясом рынок: форты, индейские резервации и шахтерские городки на недавно открытом американском Западе.

Еще в 1842 г. скот из Техаса перегоняли в Миссури, а в 1854 г. – в Калифорнию. По воспоминаниям поэта Уолта Уитмена, даже в 1864 г., во время Гражданской войны, он видел, как стада крупного рогатого скота проходили по Вашингтону (округ Колумбия): «Всадники, все отличные наездники и на хороших лошадях, сразу устремляются за нарушителем порядка и поворачивают его. Дюжина конных гуртовщиков, весьма живописных в своих больших, надвинутых на лоб широкополых шляпах, еще дюжина пеших – все покрыты пылью, с длинными палками в руках. Огромное стадо, возможно 2000 голов, – все в движении, крики, улюлюканье и тому подобное»⁵⁵.

Хотя на картах, изображающих маршруты перегонов, можно увидеть упорядоченную разветвленную сеть дорог, на самом деле путь был извилистым, поскольку погонщикам требовалось обеспечить животных водой и травой. Для этого приходилось идти вдоль рек и ручьев, а также по старым индейским и бизоньим тропам. Сначала животных доставляли к конечным станциям железных дорог, принадлежавших железнодорожным компаниям Union Pacific и Missouri Pacific, которые после завершения Гражданской войны постепенно

---

⁵⁵ Walt Whitman, *Specimen Days and Collect*, 48.

протягивали свои шупальца все дальше на Запад.

Однако в этой схеме перегонов все оказалось не так просто, как выглядело на бумаге.

Первая проблема состояла в том, что для перегона скота были необходимы лошади. Однако свободно пасущихся мустангов сначала нужно заарканить, завести в загоны и объездить, а для этого требовались опытные наездники. Как правило, на то, чтобы должным образом объездить дикого мустанга, уходило пять-шесть дней. При этом для перегона скота на север (такое путешествие могло занять от трех до шести месяцев) каждому ковбою требовалось по четыре-пять лошадей.

Вторая проблема заключалась в поведении и темпераменте самого дикого тexasского лонгхорна. Эта порода ведет свое происхождение от иберийских коров, впервые завезенных в Новый Свет испанцами и прекрасно приспособившихся к местным условиям. У тexasских лонгхорнов длинные, слегка веретенообразные ноги, узкое тело, тонкие поясница и круп, вытянутая узкая голова с рогами, похожими по форме на руль велосипеда, концы которых иногда направлены вперед, а иногда расходятся в стороны. Самый большой размах рогов был зафиксирован у быка по кличке Чемпион, родившегося около 1890 г. на мексиканском ранчо вблизи Рио-Гранде⁵⁶; расстояние между концами его рогов составляло 2,7 м.

---

⁵⁶ J. Frank Dobie, *The Longhorns*, 206.

Ковбоям было непросто стогнать этих диких животных в стадо. Днем тexasские лонгхорны прятались в зарослях, а паслись в основном по ночам. Лишь летом, когда налетали тучи надоедливых mosкитов, они ненадолго выходили на открытые участки в надежде, что их обдует ветерок. Обычно ковбоям приходилось забираться в заросли колючих кустарников, чтобы выгнать оттуда животных. Однако корова с теленком ради защиты своего потомства готова была броситься на лошадь, а бык лонгхорна был печально известен злобным вспльчивым нравом: как выразился один скотовод, этот бык «строптив, угрюм, одинок и драчлив»⁵⁷ и «чем он старше, тем становится злее».

«Попросите любого скотовода старых времен, знакомого с южными пастбищами, назвать самое быстрое животное, – писал Дж. Доби в своей книге «Лонгхорны». – Он не назовет ни лошадь для каттинга⁵⁸, ни лошадь для игры в поло, ни дикую кошку, ни гремучую змею в броске. Он не подумает о сапсане. Он назовет быка лонгхорна. Некоторые другие быки быстры; многие драчливы, даже aberдин-ангусской породы. Но никто из них не может так реветь, мычать, бурчать и неистовствовать, как быки испанской породы, и никто не может двигаться с такой скоростью»⁵⁹.

---

⁵⁷ Wayne Gard, *The Chisholm Trail*, 17.

⁵⁸ Каттинг – ковбойская дисциплина, где всадник должен отрезать бычка от стада и не дать ему вернуться.

⁵⁹ Dobie, *The Longhorns*, 147.

Техасские скотоводы собирали стада лонгхорнов, отделяли и кастрировали молодых бычков, чтобы получить стерилизованных и более послушных животных, которые давали лучшие виды мраморной говядины, и клеймили телят для подтверждения права собственности. Для размножения отбирали коров и нетелей (молодых телок, у которых еще не было телят), однако все животные оставались на свободном выпасе. Такие методы были разработаны мексиканскими вакеро⁶⁰, предки которых некогда пасли стада для испанских миссий на территории современных Калифорнии, Техаса и Мексики.

К счастью, лонгхорны прекрасно адаптировались к засушливым условиям и поэтому хорошо подходили для длинных перегонов. Выносливые животные, невосприимчивые к большинству болезней крупного рогатого скота, могли идти без воды в течение двух дней, проявляя удивительную выносливость. Быки и коровы быстро привыкали к переходам, каждое животное понимало свое место в иерархии стада и каждый день занимало свое место, часто объединяясь с постоянным партнером. Более сильные и выносливые лонгхорны становились естественными лидерами и оказывались в голове стада, а более слабые шли сзади. Если какой-нибудь бычок натирал ногу, он замедлял темп и плелся позади, пока нога не заживала, а затем снова занимал свое место в стаде.

---

⁶⁰ Вакеро (*исп. vaquero* – «пастух», от *vaca* – «корова») – мексиканский конный пастух. Стиль жизни вакеро стал основой жизни ковбоев.

Как только стадо было собрано, техасец, жаждущий наживы, сталкивался с самой тяжелой проблемой – собственно перегоню. Поскольку железные дороги на Юге сильно пострадали во время Гражданской войны и никогда не заходили далеко в Техас, у скотовода имелось всего два реальных варианта – оба не слишком привлекательные. Он мог гнать стадо к железнодорожным станциям Канзаса и Миссури, откуда скот отправляли на восток, но при этом рисковал столкнуться с враждебностью или даже вооруженным сопротивлением со стороны местных фермеров, которые опасались, что стада, пришедшие с юга, вытопчут посевы или заразят их собственными животными какой-нибудь смертельно опасной болезнью. Или же трудолюбивый техасец мог отправиться дальше на Запад и попытаться добраться до какого-нибудь шахтерского городка или одного из фортов, контролировавших территорию; там всегда были хорошие рынки для сбыта говядины, однако при этом перегонщики скота подвергались риску нападения индейцев.

Чтобы перегнать тысячу голов скота, требовалось не менее восьми человек. Старший погонщик обычно уезжал на несколько миль вперед, разыскивая водопои и удобные места для кормления стада. За ним следовал повар на повозке-кухне. Для такой повозки использовались модифицированные крытые фургоны переселенцев (они же «шхуны прерий»⁶¹); в них загружали консервированные и сыпучие про-

---

⁶¹ Название *prairie schooner* («шхуна прерий») дано за сходство с парусами:

дукты, трехногую голландскую печь, кухонную утварь и бочку с питьевой водой и запрягали четверку лошадей. Повара обычно сопровождала группа запасных лошадей (ее называли испанским словом *ремуда*), а также ранглер – погонщик, отвечавший за уход и присмотр за ними.

Два ковбоя ехали в голове стада, еще четверо по бокам. Замыкающими ставили двух самых молодых ковбоев, которых называли *дрэг-райдеры*⁶². Их задача состояла в том, чтобы приглядывать за отстающими медлительными животными и заставлять их двигаться вперед. Этим погонщикам постоянно доставались пыль и брызги от навоза; они в полной мере ощущали все неприятные запахи стада.

Одевались мужчины просто. Большинство носили широкие шляпы типа сомбреро, защищавшие от солнца и дождя, рубашку без воротника, часто поверх рубашки надевался жилет с карманами для табака, спичек и талисманов. Чтобы лассо не натирало руки, ковбои надевали толстые перчатки. Платки-банданы могли использоваться в разных целях: платок, повязанный вокруг шеи, защищал от солнечных ожогов, натянутый на рот и нос служил маской от пыли, а закрыв им уши, можно было согреться прохладным утром. Поначалу, по словам Тедди Блю, у ковбоев «не имелось ни палаток, ни парусины, и было чертовски мало непромокаемых пла-

---

фургон покрывали полукруглой крышей из парусины или холста.

⁶² От *drag* – «медленно тянуться» и *rider* – «всадник».

щей»⁶³.

Их еда состояла в основном из фасоли пинто, патоки из сахарного сорго и большого количества говядины с кукурузной кашей или бисквитами из теста на закваске и мясной подливкой. Все это запивали черным кофе. Меню могло меняться, если ковбоям удавалось наловить рыбы, например форели, или добыть дичь – оленя вапити, вилорога или дикую индейку. Особым деликатесом считался дикий лук. Основным блюдом в рационе было так называемое «рагу сукиных детей»⁶⁴, которое готовили из говяжьих субпродуктов, например из сердца, тестикул (яичек) и языка.

В хороший день стадо могло пройти 14–15 миль (22–24 км), обычно с перерывом на обед в полдень.

---

⁶³ E. C. “Teddy Blue” Abbott, *We Pointed Them North*, 6.

⁶⁴ Полный рецепт: «Забейте бычка. Говядину, печень и сердце нарежьте 1-дюймовыми кубиками, нарежьте небольшими кольцами сычуг. [Существуют разные мнения, что подразумевалось под ключевым ингредиентом *marrow gut*, придававшим стью нежный вкус. Согласно книге Рамона Адамса *Come An' Get It: The Story of the Old Cowboy Cook*, это трубка между частями желудка теленка, наполненная веществом, напоминающим костный мозг, съедобная, если теленок еще маленький. Таким образом, это, вероятно, проток, ведущий к сычугу, или сам сычуг. Однако существует также предположение, что подразумевается поджелудочная железа. – Прим. пер.] Положите в голландскую печь или в глубокую кастрюлю. Залейте мясо водой и тушите 2–3 часа. Добавьте по вкусу соль, перец и [луизианский] острый соус. Возьмите сладкое мясо [кулинарное название желез внутренней секреции, чаще всего зубная железа или поджелудочная железа, но также, например, яички или околоушная железа. – Прим. пер.], мозги и нарежьте небольшими кусочками. Добавьте к остальному. Варите на медленном огне еще час, не допуская кипения». William H. Forbis, *The Old West: The Cowboys*, 87.

Самой большой угрозой для гуртовщиков было паническое бегство скота. Чтобы напугать беспокойных лонгхорнов, требовалось совсем немного: молния, появление волка, хлопок полотенца. Тедди Блю, один из самых опытных погонщиков той эпохи (в своем первом перегоне он участвовал, когда ему было всего десять лет), в своих воспоминаниях описывает особенно страшную панику в одну ветреную осеннюю ночь 1888 г.: «Однажды ночью, примерно без десяти минут два, как раз перед тем, как смениться, мы с напарником встретились, как это бывает, когда двигаешься в противоположных направлениях вокруг отдыхающего стада. Я спросил его, который час, и он чиркнул спичкой – тогда только-только появились эти спички без серы. Я думал, что у него хватит ума немного отъехать от стада, но он этого не сделал. Ночь была беспокойная. Животные были на ногах и беспокойно кружили, а при вспышке спички они бросились бежать»⁶⁵.

Тедди Блю не раз сталкивался с подобной паникой и хорошо знал, как следует реагировать. Он пустил свою лошадь в погоню за животными. Хитрость заключалась в том, чтобы не оказаться впереди стада, но при этом подъехать достаточно близко, чтобы можно было начать его поворачивать. В конце концов голова стада направлялась в сторону хвоста, и в результате возникал круговорот; скот в замешательстве кружился, и паническое бегство прекращалось.

---

⁶⁵ Abbott, *We Pointed Them North*, 199.

Особенно опасна паника в темное время суток. Первый такой случай, свидетелем которого стал Тедди Блю, произошел в 1876 г. на реке Блу-Ривер в Колорадо, когда ему было всего 15 лет. В результате погибли один из пастухов и его лошадь. Тедди Блю навсегда запомнил вид тел, обнаруженных на следующее утро: «С ребер животного содрана шкура, а оставшаяся часть лошади и человек расплющены, как блин, и вмяты в землю. Единственное, что можно было опознать, – рукоять его шестизарядного револьвера»⁶⁶.

Тедди Блю знал, что лошадь видит в темноте лучше, чем он, и все же в ночи их подстерегали многочисленные опасности, в том числе норы луговых собачек, койотов и барсуков.

В ту ночь стадо остановилось само по себе. Но как только ковбой перевел дух, что-то снова напугало животных; ревя, сталкиваясь рогами и взрывая копытами дерн, они снова бросились бежать по сухой полынной прерии, Тедди Блю ринулся за ними в погоню.

Едва ему удалось повернуть стадо, как его мустанг по кличке Пит споткнулся о внезапно выросший перед ними земляной холмик и упал вместе с седоком. Передняя лука седла ударила всадника в грудь, сломав три ребра и выбив из него дух; рухнувшая лошадь навалилась ему на ногу. На уровне земли гром копыт оглушал. Мгновение спустя на Тедди Блю обрушилось разворачивающееся стадо. Пытаясь защититься, он выставил руку, и тут же получи по ней

---

⁶⁶ Там же, 37.

удар копытом.

Лежа со сломанными ребрами и рассеченной рукой, он был уверен, что пришла его очередь быть растоптанным в лепешку на открытом пастбище. Однако стадо каким-то образом пронеслось мимо, не причинив больше вреда ни ему, ни лошади. На следующее утро Тедди Блю приехал в лагерь и попытался вернуться к своим обязанностям, несмотря на сильную боль от полученных травм. В полдень он подъехал к ранчо у дороги и попросил стакан воды. Но не успели ему принести воду, как ковбой потерял сознание и упал с коня⁶⁷.

Переправа через реки также была делом непростым и требовала особых умений. Ковбои, ехавшие впереди, старались завести стадо в воду, а остальные подгоняли животных. Когда те начинали переправляться, иногда шарахаясь от отраженного света или ряби на воде, необходимо было не допускать разрывов в стаде, чтобы отстающая группа не вернулась на берег. Однако не следовало и торопить лонгхорнов: среди взбудораженных животных могла начаться паника и давка, а справиться с паникующими животными посреди реки – дело трудное и потенциально дорогостоящее. Коровы, оказавшиеся в центре такой толчеи, могли уйти под воду и утонуть. Есть сведения, что в результате одной такой паники, с которой не удалось совладать, погибло около 800 голов скота.

Ночью ковбои каждые два часа поочередно объезжали

---

⁶⁷ Там же, 200

отдыхающее стадо верхом. Полноценный ночной сон редко превышал пять-шесть часов. Как сказал Тедди Блю, «если все сложить, думаю, что самым тяжелым испытанием на маршруте для нас была нехватка сна; мы никогда не высыпались»⁶⁸. Нормой были постоянное напряжение и страшная усталость.

Самые мрачные времена, какие я когда-либо видел... Весь этот день ушел на переправу через [реку] Вест-Тринити... Я переплывал ее 5 раз. Наш фургон перевернулся в воде, и мы снова потеряли много кухонной утвари... Сегодня потерял свой нож... Холодное утро. Дует ветер, у всех дрожат руки... Сегодня утонул один из нашей группы (м-р Карр), несколько парней еле-еле спаслись, в том числе и я... Все люди устали и хотят уйти. Я на индейской территории, и они меня раздражают. Думаю, они специально пугают скот, чтобы мы им заплатили за его сбор... У большинства работников проблемы. Лошади обессилели, а люди отказываются работать... Ливень и ураган. Бычки разбежались, и я всю ночь не слезал с лошади. Ужасная ночь. Промок насквозь... Чуть не умер от голода, 60 часов ни крошки во рту... О! Что за ночь – гром, молния и дождь... Едва живой из-за [недостатка] сна... Я уже не скучаю по дому, но совсем пал духом... Прекрасная ясная ночь, и когда сегодня утром я сменил дежурного, было так холодно, что зубы стучали... Готовил ужин под деревом на берегу

---

⁶⁸ Там же, 67.

реки Арканзас с двумя дамами... 15 индейцев пришли помогать нам со стадом и попытались увести несколько животных. Я им не позволил. Был большой скандал. Один из них выхватил нож, я – свой револьвер. Заставил их уйти, но боюсь, что они отправились за другими. Это были семинолы⁶⁹.

Перегон скота в 1866 г. проходил с переменным успехом. В том году Чарльз Гуднайт и Оливер Лавинг впервые перегнали 2000 голов скота из окрестностей Сан-Антонио на расстояние почти 700 миль (около 1100 км) в форт Самнер⁷⁰ в Нью-Мексико. Их сопровождали 18 человек, в том числе один бывший раб и косоглазый ковбой по имени Нат Браннер, который шутил, что может одним глазом следить за лонгхорнами, а другим – за гремучими змеями. Перед отъездом 30-летний Гуднайт переоборудовал крытый фургон в первую передвижную кухню; вскоре кухонный фургон стал неотъемлемой частью жизни перегонщиков скота.

Военный форт Самнер, лишь немного отличавшийся от обычного поселения, состоящего из немногочисленных глинобитных хижин в стиле испанских миссий, отвечал за надзор за индейской резервацией Боске-Редондо площадью около 4000 км², где проживали 8000 навахо, которых

---

⁶⁹ Duffield, “Driving Cattle from Texas to Iowa, 1866.”

⁷⁰ Именно здесь пятнадцать лет спустя в одном из ветхих зданий заброшенно-го форта в ночной перестрелке местный шериф Пэт Гарретт застрелит бандита Билли Кида.

двумя годами ранее заставили переселиться туда с их исконных земель в восточной части Аризоны. Однако местность оказалась малопригодной для земледелия, а урожай кукурузы был уничтожен гусеницами бабочки-совки, в результате из-за плохого планирования со стороны правительства возникла острая необходимость в поставках продовольствия.

Путешествие оказалось тяжелым: на одном из участков в долине реки Пекос стадо прошло 80 миль (130 км) по безводным кустарниковым пустошам в знойном мареве, в результате чего погибло около 300 бычков. Когда лонгхорны достигли наконец берегов широкой красноватой реки Пекос, измученный жаждой скот бросился в глубокую воду: животные жадно пили, ревели, фыркали, мычали и топтались, поднимая со дна тучи ила. В этой давке сотня голов утонула, несмотря на все попытки ковбоев спасти животных. Еще несколько бычков погибло от ядовитой щелочной воды в близлежащих потоках.

Добравшись до форта Самнер, Гуднайт и Лавинг продали быков по цене 8 центов за фунт⁷¹. Гуднайт повесил на спину мула седельную сумку с 12 000 долларов золотом и вернулся в Техас. С оставшимися коровами и телятами Лавинг двинулся дальше на север – в Колорадо, где самым очевидным рынком сбыта был Денвер – крупный город золотодобытчиков с населением в 3500 человек, сетью грунтовых улиц, множеством зданий из красного кирпича и непропор-

---

⁷¹ Около 18 центов за килограмм.

ционально большим количеством игорных притонов, салунов и дешевых публичных домов. Там он без труда сбыл остаток стада.

Таким образом, Гуднайт и Лавинг сорвали первый большой куш в торговле крупным рогатым скотом, а животные, которых они продали в Нью-Мексико, положили начало скотоводческой отрасли в этом штате.

Гуднайт, так никогда и не научившийся читать и писать, стал скотоводческим магнатом и, превратив свою долю денег в огромное состояние, умер владельцем более 20 млн акров (80 000 км²) пастбищ в Техасе. А вот Лавингу во время их с Гуднайтом следующего путешествия не повезло. По дороге в форт Самнер, когда Лавинг с одноруким ковбоем Биллом Уилсоном ехали впереди стада, на них напали вооруженные команчи – пожалуй, самое свирепое племя индейцев Великих равнин⁷². Лавинг с Уилсоном галопом помчались к реке Пекос, соскочили с лошадей, прыгнули в воду и затаились в высоких зарослях гигантского тростника, росших вдоль другого берега. Однако индейцы не отставали. Они быстро поймали лошадей ковбоев, а затем отправили группу воинов переходить реку вброд. Команчи на противоположном берегу по-испански потребовали от гуртовщиков сдаться, а затем наугад обстреляли тростник. Одна пуля прошла через запястье Лавинга и его кобуру, застряв в боку. Он перебро-

---

⁷² Лучшее изложение истории команчей см.: S. C. Gwynne, *Empire of the Summer Moon: Quanah Parker and the Rise of the Comanches*.

сил свой пистолет Уилсону, который сумел отбить атаку индейцев. День и вечер прошли в напряженном противостоянии с нападавшими. Лавинг, испытывавший сильные боли и уверенный, что умрет от полученных ран, в конце концов уговорил Уилсона бежать. Уилсон снял сапоги и брюки, чтобы держаться на плаву с помощью ног и единственной руки. Затем, стараясь не делать лишних движений, он поплыл вниз по течению мимо верхового дозорного команчей.

На то, чтобы вернуться к Гуднайту, остававшемуся со стадом, у Уилсона ушло три дня: он шел без еды, в одном нижнем белье, босиком по полупустынной местности, заросшей кактусами-опунциями. В качестве посоха и для защиты от рыскавших по ночам волков он использовал шест от типи⁷³. Когда ковбой наконец добрался до друзей, он был настолько покрыт красной пылью, что его поначалу приняли за хромого однорукого команча.

К тому времени Лавинг, по-прежнему живой, тоже совершил в темноте отчаянный побег – и тоже вплавь по течению. Он добрался до дороги, где остановил группу мексиканцев на повозке и предложил им 150 долларов, чтобы те отвезли его в форт Самнер. Однако там измученный ковбой попал к молодому неопытному врачу, который, несмотря на начинающуюся гангрену, поначалу отказался ампутировать руку.

---

⁷³ Типи – конусообразное жилище индейцев Великих равнин, имевшее покрытие из шкур. Часто его ошибочно называют вигвамом, хотя вигвам (имевший куполообразную или конусообразную) форму – жилище лесных индейцев севера и северо-востока и покрывался чаще корой и циновками.

Когда операцию все же сделали, гангрена уже распространилась. Через две недели Лавинг умер от заражения крови⁷⁴.

Другие скотоводы перегоняли свои стада по более безопасному, как они считали, маршруту – по тропе Шауни до Седейлии (штат Миссури), где начинались железнодорожные линии компаний Missouri Pacific и Missouri – Kansas – Texas. Некоторые пытались пересечь плато Озарк, где вскоре, оказавшись в лесу, сбивались с пути. Кроме того, оказалось, что практически невозможно перегонять скот по территории, заросшей деревьями и кустарниками, и пасти его там. Кроме того, штат Миссури, граничащий с незаселенными территориями Запада, превратился в излюбленное убежище для бандитов и изгоев. Разработка преступных схем кражи скота не заняла у них много времени. Ночью негодяи устраивали панику в тexasском стаде, а когда оно рассеивалось, отсекали группу животных и прятали ее. На следующий день они предлагали гуртовщикам помощь в сборе разбежавшегося скота, а затем или возвращали спрятанных животных, если за них хорошо платили, или оставляли себе.

Некоторые тexasские скотоводы сталкивались с открытой враждебностью фермеров Канзаса. Те справедливо подозревали, что тexasские лонгхорны являются носителями болезни, известной как тexasская лихорадка (или испанская лихорадка). Хотя выносливые лонгхорны, по-видимому, оказы-

---

⁷⁴ W. J. Wilson, “W. J. Wilson’s Narrative”, in *The Trail Drivers of Texas*, edited by J. Marvin Hunter and George W. Saunders, 913.

вались невосприимчивы к этому заболеванию, как и к большинству типичных болезней крупного рогатого скота, никто не оспаривал, что они переносят и передают его, хотя как именно – оставалось загадкой. Заболевание оказалось крайне опасным для северных пород скота: оно вызывало разрушение красных кровяных телец, высокую температуру, анемию, внутреннее кровотечение и, как правило, приводило к смерти⁷⁵. Уэйн Гард, автор книги «Тропа Чисхолма», так описывает ужасное состояние больных животных: «Пораженные животные начинали выгибать спину, опускать голову и уши. Их глаза стекленели и становились неподвижными. Они начинали пошатываться от слабости в задних ногах. Температура повышалась, аппетит пропадал. Пульс становился быстрым и слабым, животные ловили воздух ртом»⁷⁶. По мере развития болезни животные впадали в коматозную летаргию или становились буйными и так сильно мотали головой, что у них трескались рога.

Техасская лихорадка представляла собой страшную угрозу для переживавших сложные времена фермеров, которым требовались и молочные продукты, и животные для разведения. Хотя в некоторых районах штатов Миссури и Канзаса уже действовал карантин, запрещающий прогон техасско-

---

⁷⁵ В 1888 г. было установлено, что болезнь (ее официальное название – бабезиоз или пироплазмоз крупного рогатого скота) вызывается бабезиями – внутриклеточными паразитами, поражающими эритроциты крови.

⁷⁶ Gard, *The Chisholm Trail*, 29.

го скота по их территории, его не соблюдали. При этом находившихся в отчаянном положении техасцев, источником существования которых были их стада, вряд ли можно было удержать от продажи животных из-за какого-то плохо соблюдаемого карантина. Конфликт был неизбежен.

В 1866 г. 19-летний Джим Догерти вместе с пятью другими ковбоями перегонял 500 голов скота на север из района, расположенного недалеко от современного Далласа, через Оклахому в Канзас, где недалеко от Бакстер-Спрингс их остановила группа так называемых джейхокеров⁷⁷ – уроженцев штата Канзас, поддерживавших Союз во время Гражданской войны. Догерти и один из его ковбоев Джон Доббинс ехали перед стадом, когда к ним приблизились люди в охотничьей одежде и енотовых шапках. Доббинс попытался достать оружие, но джейхокеры застрелили его прямо в седле. Напуганный выстрелом скот бросился врассыпную. Догерти поднял руки и сдался, а остальные ковбои погнались за стадом. Джейхокеры привязали Догерти к дереву, высекли прутьями из ореха гикбери, а затем принялись обсуждать, стоит ли его повесить. В конце концов они решили, что гуртовщик ничего не знает о техасской лихорадке, и отпустили его. Догерти лишился 150 животных (в основном во время паники), но, несмотря на эти потери, ему удалось продать остав-

---

⁷⁷ Партизанские группировки, выступавшие за отмену рабства в Канзасе, где в 1854–1858 гг. шла гражданская война, предшествовавшая войне Севера и Юга. Названы так по имени одного из отцов-основателей Соединенных Штатов Джона Джея, который выступал против рабства.

шееся стадо в близлежащем Форт-Скотте (штат Канзас) с хорошей прибылью.

Еще одним ковбоем, столкнувшимся с препятствиями на пути в Бакстер-Спрингс, был Нельсон Стори, 25-летний житель Огайо. На прибыль, которую Стори получил при разработке золотоносной жилы в Олдер-Галч (штат Монтана), он купил тысячу тexasских лонгхорнов по 10 долларов за голову и погнал их на север. Он сразу решил провести стадо западнее, вокруг поселений Канзаса и до городка золотодобытчиков Вирджиния-Сити (штат Монтана), где, как он знал, в районе Олдер-Галч работали тысячи старателей. Они бы заплатили за скот в десять раз больше, чем отдал за него Стори. Следуя этим маршрутом, ковбои ехали по долине реки Платт до форта Ларами, а оттуда двигались на север от форта к форту – Рино, Феттерман, Фил-Кирни, затем через долину реки Паудер и на северо-запад на Территорию Монтана⁷⁸. Этот путь проходил через земли сиу, где группы индейцев регулярно совершали нападения на военные форты. Нельсона предупреждали, что путешествие будет крайне опасным, но он все равно отправился в путь, вооружив 27 человек новейшими казнозарядными винтовками Ремингтона. В какой-то момент отряд индейцев спустился с холма, они ранили стрелами двух ковбоев, а затем ускакали с частью стада. Стори и несколько его ковбоев отправились в погоню

---

⁷⁸ Существовала с 1864 по 1889 г., после чего стала современным штатом Монтана.

за нападавшими, выследили их в Бедлендсе, нанесли ответный удар и вернули свой скот. «Они отдали бычков добровольно?»⁷⁹ – спросили одного из людей Стори годы спустя. «Можно и так сказать, – лаконично ответил тот. – Мы застали их врасплох в лагере, и они были не в том состоянии, чтобы особо протестовать против того, чтобы мы забрали свой скот». С этого момента благодаря скорострельным винтовкам Ремингтон ковбои получили преимущество: это оружие пугало индейцев, заставляя держаться на безопасном расстоянии. Тем не менее Стори старался не рисковать и вел стадо по ночам. В его группе погиб всего один человек – ковбой, которого в конце путешествия отправили на охоту. Индейцы поймали его, оскальпировали, а тело прибили к земле стрелами. Стори стал первым человеком, перегнавшим стадо в Монтану, но прошло еще четыре года, прежде чем другие, хуже вооруженные скотоводы сочли, что перегонять скот через долину реки Паудер относительно безопасно.

И все же роль индейцев Великих равнин в последовавшем далее скотоводческом буме была на удивление незначительной. Столкновения между ковбоями и коренными американцами, выходявшие за рамки стычек, подобных вышеописанным, происходили довольно редко. К концу Гражданской войны, когда численность племен резко сократилась в результате междоусобных войн, болезней и голода, большинство из них уже были переселены в резервации. Ин-

---

⁷⁹ Paul I. Wellman, *The Trampling Herd*, 98.

дейцы стали скорее участниками потребительского рынка для начинающих скотоводов, нежели враждебно настроенными конкурентами в борьбе за прерии. Даже некогда могущественные команчи, жившие на территориях Техасского выступа⁸⁰, западной Оклахомы, нижнего Канзаса и районов Нью-Мексико и упорно сопротивлявшиеся вторжению на их земли фермеров и переселенцев, к 1875 г. капитулировали, когда их численность сильно сократилась. Американские солдаты в разных военных фортах продолжали находить причины для подавления восстаний индейцев из уцелевших племен, например поражение в результате рокового просчета Кастера у реки Литл-Бигхорн в 1876 г.⁸¹ Однако уже к 1879 г. – времени расцвета скотоводства – нападения индейцев на маршрутах перегонов скота не представляли реальной угрозы для ковбоев и скотоводов.

Наиболее масштабный и, вероятно, самый продолжительный перегон скота состоялся весной 1869 г., когда около двухсот бывших солдат Конфедерации и членов их семей

---

⁸⁰ Техасский выступ (Texas Panhandle) – область на севере Техаса прямоугольной формы. Английское слово *panhandle* буквально означает «ручка сковороды» и используется для именованя любых выступов территории.

⁸¹ Речь идет о битве при Литл-Бигхорне – сражении 25–26 июня 1876 г. между индейцами (лакота, шайеннами, арапахо) и Седьмым кавалерийским полком армии США. Командир полка – упомянутый в начале книги Джордж Кастер – атаковал противника, не дожидаясь подхода основных сил. Индейцы наголову разгромили белых, а Кастер погиб.

в поисках лучшей жизни отправились от реки Бразос в нижнем Техасе в Калифорнию, сопровождая в общей сложности 1500 голов скота и 1200 лошадей. По ночам разбитое на четыре части стадо обычно собирали вместе.

На пике скотоводческого бума на путях перегонов трудилось около 40 000 ковбоев, большинство – белые южане, многие – бывшие кавалеристы Конфедерации. Остальные представляли собой смесь из европейских иммигрантов (преимущественно немцев и скандинавов), их сыновей, родившихся в Америке, а также мексиканцев, негров – бывших рабов с плантациями Юга – и индейцев, которые, как правило, обладали превосходными навыками верховой езды.

Работа на свежем воздухе, требующая физической силы и ловкости, бесспорно, привлекала молодых людей. К этому прилагалось не только питание, но также и настоящий дух товарищества: ковбоям платили за сотрудничество. Спиртные напитки, азартные игры, а в некоторых случаях и сквернословие были строго запрещены, зато эта работа не требовала ни образования, ни места для проживания. Даже своя лошадь была не нужна: ее предоставлял бригадир гуртовщиков. Все, что требовалось, – седло, свернутая скаткой постель и пончо.

Да и окружающие пейзажи вряд ли могли не прийтись кому-то по вкусу. Большинство ковбоев из Конфедерации никогда не видели открытых пастбищ Запада. Они не были готовы к красоте величественных ландшафтов – одиноким

холмам и лощинам, горным хребтам и лазурному небу (и все это в гигантских масштабах). Как же сильно отличались они от плоских травянистых прерий западного Техаса!

Ковбои восхищались орланами с белоснежной головой, сидевшими на ветвях тополей. Проезжая в теплый день по равнинам прерии, они вдыхали луговой аромат полыни и наблюдали за стадами дружно убегających вилорогов. На изумрудно-зеленых альпийских лугах в невероятном изобилии цвели полевые цветы: примулы, колокольчики, флоксы, дельфиниумы, бальзамический корень, шиповник, ястребинки и еще множество видов с белыми и желтыми цветками – их яркое веселое многоцветье появлялось с первым таянием снега весной, превращаясь в середине лета в неравномерный побуревший покров. Последним в этой палитре цвета появлялся кипрей, достигавший в конце июля высоты 1,5 м; он покрывал склоны холмов розовато-лиловыми цветами, завершая ежегодное цветочное шоу, подобно фейерверку в конце праздника.

Осенью многие ковбои впервые слышали в сумерках меланхоличный рев лосей-самцов. Они любовались рощами тополей в мерцающей золотом осенней листве. Путешественников охватывало такое же волнение, которое, вероятно, испытывали Льюис и Кларк, впервые пересекавшие эти величественные просторы⁸². Перед ними простирался мир,

---

⁸² Экспедиция под руководством капитана Мериуэзера Льюиса (личного секретаря президента США Томаса Джефферсона) и лейтенанта Уильяма Кларка

который будоражил душу, давая ковбою ощущение причастности к жизни дикой природы и одновременно подчеркивая его скромное место во Вселенной.

Непосредственного знакомства с бескрайней красотой американского Запада и в самом деле было достаточно, чтобы изменить характер человека. «Там была свобода, романтика, некий мистический ореол, витавший над этими зелеными, поросшими сочной травой водоразделами, который буквально пропитывал все твое существо», – писал в своих мемуарах скотовод Джон Клей⁸³. Сам Клей приехал из Шотландии в 1874 г. Он описывал себя как молодого человека, «стремящегося не упустить свой главный шанс», и в дальнейшем управлял, помимо других ранчо, компанией Swan Land & Cattle – одним из крупнейших скотоводческих хозяйств в Вайоминге, просуществовавшим 70 лет.

Жизнь и работа на открытых пастбищах, как правило, превращала молодых ковбоев, таких как Клей, в опытных скотоводов. Благодаря им один своевольный богатый дилетант с писклявым голосом, приехавший из Нью-Йорка, обрел зрелость и солидность, необходимые для того, чтобы добиться успеха в национальной политике. Его звали Теодор Рузвельт. «Я всегда говорил, что не стал бы президентом, если бы не опыт, приобретенный в Северной Дакоте, – напи-

---

(1804–1806) впервые пересекла территорию Соединенных Штатов от Сент-Луиса до Тихого океана и обратно.

⁸³ John Clay, *My Life on the Range*, vi.

шет он впоследствии. – Именно здесь начался роман моей жизни»⁸⁴.

Возможно, еще большей остроты ощущений добавляло то, что работа ковбоя предполагала невероятное количество всевозможных способов получить травму или погибнуть. Вы могли упасть с лошади; вас мог забодать бык; вы могли получить копытом по голове, стреноживая животное, утонуть при переправе через реку, увязнуть в зыбучих песках или попасть под удар молнии; вас мог застрелить скотокрад, а индеец – снять с вас скаल्प; наконец, вы могли пострадать во время потасовки в баре. А ведь этот список не включает менее опасные, но достаточно серьезные неприятности, например мучения от укусов комаров и слепней, а также всевозможные заболевания, такие как солнечный удар летом и солнечная слепота зимой, различные инфекции, растяжения связок, переломы, пищевые отравления и геморрой. При этом медицинскую помощь найти было трудно; как писал один очевидец, «врачи на пастбищах встречались реже, чем знатоки латыни»⁸⁵.

Джорджу Даффилду не помешала бы такая помощь:

Спина сильно обгорела на солнце и покрылась волдырями, пока я был в воде, от этого мы с еще двумя парнями очень страдаем. В реке на меня напал бык,

---

⁸⁴ Theodore Roosevelt, *Roosevelt Quotes*, <http://www.nps.gov/thro/learn/historyculture/theodore-roosevelt-quotes.htm>.

⁸⁵ Forbis, *The Old West: The Cowboy*, 88.

и я едва спасся, нырнув [под воду]... Сильно болит голова... Хорошо провел время, собирая ежевику... Прошлая ночь была одна из тех, что подвергают человека испытаниям. Всю ночь гремело, сверкали молнии и шел ливень... Быки сбежали. Поднялся ветер. Всю ночь провел в седле... Мы повернули на юго-запад. День был теплым, такого количества мух я никогда не видел. Наши животные стали почти неуправляемыми... Потерял плащ и вернулся за ним... К нам в лагерь приехали осейджи⁸⁶. Они страшные попрошайки... Мы в порядке, но у двоих появились нарывы, а один свалился с лихорадкой... Не смогли достать ни дров, ни воды и вынуждены были остаться в прерии без воды и огня. Местность по-прежнему неровная и каменистая. Местами почти непроходимая. Сегодня в прерии нашли человеческий скелет... Скот запаниковал и носился мимо двух ферм, люди там очень рассердились. К нам приходило много людей оттуда, угрожали передать нас в руки закона, но все обошлось... Прошлой ночью я заболел, озноб и колики – утром чувствую себя все еще очень плохо. Под палящим солнцем все тело зудит... Один человек в лагере сильно заболел, у него было два тяжелых приступа. Меня ударила лошадь (по лицу), очень болит глаз, и все еще мучают колики... Мне было очень плохо, и я почти не спал. Сильно трясло⁸⁷.

---

⁸⁶ Осейджи – индейское племя из группы народов сиу.

⁸⁷ Duffield, "Driving Cattle from Texas to Iowa, 1866."

В итоге Даффилду потребовалось шесть месяцев, чтобы перегнать своих лонгхорнов на север в Айову. В этом путешествии выжила лишь половина всего стада.

Подобные изнурительные перегоны позволили сделать одно важное открытие: оказалось, что копытные способны выдержать на маршруте северную зиму без дополнительного корма. Можно было ожидать определенной убыли животных, которые попадут в снежные заносы или не отыщут еды, однако большинство сможет пережить холодные месяцы, если завести стадо в какую-нибудь защищенную долину. Засухоустойчивые растения – бутелуа изящная (бизонья трава)⁸⁸ и другие дерновые злаки, которые когда-то кормили стада бизонов, теперь обеспечивали кормом техасских быков и коров. И это предположение открывало новые экономические возможности. Кроме того, новые территории и штаты казались огромными, почти бесконечными, и правительство было готово сдавать землю в аренду или продавать за гроши. Или вы могли просто завладеть любым участком, заявить права на землю и воду по принципу «преимущественного распределения»⁸⁹ и ничего не платить.

---

⁸⁸ Этот злак даже стал символом сразу двух штатов – Колорадо и Нью-Мексико.

⁸⁹ В американской правовой системе существовала доктрина «преимущественного распределения», которую можно свести к формуле «первый по времени – первый по праву». Человек, первым взявший какое-то количество воды из водного источника (для сельскохозяйственных или промышленных целей), имел право использовать это количество воды и далее; другие люди могли брать оставшуюся воду, если это не ущемляло прав предыдущих пользователей. Однако это

Поэтому, несмотря на большие потери и неудачи при первых перегонах после Гражданской войны, техасцы упорно продолжали отправлять свои стада на север. У них почти не было других источников заработка. Весной 1867 г. по проторенным путям отправилось около 35 000 голов скота, на следующий год – 75 000, годом позже – уже 350 000, а в 1871 г. – около 600 000 голов»⁹⁰. Великое переселение техасских лонгхорнов, крупнейшее в истории человечества принудительное перемещение животных, началось в полном масштабе. Всего из Техаса на север ушло около 10 млн голов крупного рогатого скота⁹¹, которых сопровождали примерно 50 000 ковбоев и полмиллиона лошадей. Тедди Блю вспоминал: «С тех пор большие перегоны скота совершались каждый год; так появились ковбои»⁹².

не означало полноценных прав на источник. – Прим. пер.

⁹⁰ Joseph Nimmo, *Report in Regard to the Range and Ranch Cattle Business of the United States*, 28.

⁹¹ R. D. Holt, “The Proposed National Cattle Trail”, *The Cattleman*, 57.

⁹² Abbott, *We Pointed Them North*, 6.

Рождение города скотоводов

Тедди Блю Эбботт видел все стороны эры скотоводства на открытых пастбищах, от первых дней до жестокого конца. Во многих отношениях он являлся эталонным ковбоем. Невысокий, весом около 60 кг, он прекрасно умел заарканить бычка и управиться с ним, что делало его особо ценным работником во время сбора скота, проходившего дважды в год.

Тедди Блю заразился ковбойской лихорадкой в ранней юности. В 1870 г., когда ему было 10 лет, он помогал отцу перегонять небольшое стадо скота из Техаса в Небраску. Его родители, оба родом из Британии, иммигрировали в Линкольн (штат Небраска) после того, как разорилась ферма отца в Норфолке (Англия), где и родился Тедди Блю. Несмотря на то что отец Тедди Блю – угрюмый, нелюдимый и деспотичный человек – вложил в различные проекты, связанные с земледелием и скотоводством, более 60 000 долларов (1,4 млн долларов в пересчете на современные деньги) из унаследованных средств, в конечном итоге он потерпел неудачу и в Новом Свете, потеряв все, что потратил на сельское хозяйство, до последнего пенни.

Ферма Эбботта примыкала к участку земли, на котором власти соседнего городка построили психиатрическую лечебницу. Одно из самых ярких детских воспоминаний Тедди Блю связано со случаем, произошедшим, когда одним холодным зимним утром он вместе со своим братом Гарри отправился верхом покормить дойных коров. Тедди Блю увидел, как Гарри вонзил вилы в кучу сена и наткнулся на что-то твердое. Мальчишки разгребли сено и обнаружили замерзшее тело пациентки больницы, на которой была лишь ночная рубашка. Широко раскрытые мертвые глаза смотрели на братьев остекленевшим взглядом. Накануне вечером она сбегала из лечебницы и укрылась в стоге сена, однако замерзла насмерть в лютый мороз. Тедди Блю вспоминал: «Я бросил на нее один взгляд и удрал домой так быстро, что даже не остановился, чтобы вскочить на лошадь». Он был одним из тринадцати детей в семье и с ранних лет понимал, что меньше всего на свете желает стать фермером, как его отец. Когда его любимый старший брат умер в 19 лет от какой-то болезни, это заставило Тедди Блю потерять веру в Бога – он писал, что смерть брата сделала его безбожником⁹³

---

⁹³ E. C. “Teddy Blue” Abbott, *We Pointed Them North*, 23.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.